

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
и 88

Авторы:

Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева

Редакторы:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев. К акцентуации праславянских <i>o</i>- и <i>u</i>-основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах</i>	5
<i>Сладжана М. Цукут. Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах</i>	149
<i>С. В. Князев. Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон</i>	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие</i>	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования</i>	236
<i>А. В. Малышева. Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья</i>	260
<i>М. Н. Толстая. Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая</i>	282
<i>Ж. Ж. Варбом. Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i></i>	302
<i>Н. Е. Ананьева. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами</i>	305
<i>Т. В. Шалаева. Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)</i>	316
<i>А. Б. Коконова. Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах</i>	326
<i>Д. Н. Гальцова. Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах</i>	334
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

Н. Е. Ананьева
(Москва)

Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами

В статье анализируются диалектные польские и русские эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами. По отношению к базовой основе различаются примарные и секундарные эпонимы, а также словосочетания с эпонимическим компонентом. Выделено 12 лексико-семантических (тематических) групп, образуемых деэтнонимами и дехоронимами. Подчеркивается перспективность изучения диалектной эпонимики и необходимость историко-культурологических и этимологических исследований для установления причин преобразования определенных ономасий в эпонимы, выяснения, на основе каких коннотаций и ассоциаций формируются те или иные значения эпонимов.

Ключевые слова: эпоним, этноним, хороним, польские диалекты, русские диалекты

В славянских диалектах, как и в славянских литературных языках, присутствует значительное число эпонимов (образований от имен собственных). Часть лексико-семантических или тематических групп, представленных эпонимами, совпадает в диалектном и литературном языках. Это, например, названия растений и животных, одежды и обуви, кулинарных изделий и др. Однако существуют и различия между литературными и диалектными идиомами в репрезентативности отдельных групп. Так, для диалектов не характерны представленные в литературных языках эпонимы, относящиеся к сфере науки и техники (кроме номинаций орудий и приспособлений, используемых в повседневном быту), искусству и литературе и связанными с ними явлениями социально-общественной жизни (типа *abakanu* – произведения скульптора и художницы Магдалены Абаканович, *обломовщина* или *dulszczyzna* «безнравственность», происходящая от фамилии геройни пьесы Г. Запольской «Мораль пани Дульской»), спорту (*альпинизм* и его польский аналог *taternictwo, szczypiorniak* ‘гандбол’ – образование от топонима *Szczypiorno*). Если эпонимика литературных польского и русского языков довольно хорошо изучена и в том числе представлена словарями эпонимов (ср. для поль-

ского языка [Kopaliński 1996]), то специальные исследования по диалектным эпонимам появились сравнительно недавно. Так, в 2010 г. в Кракове была издана монография Р. Кухажик, посвященная диалектным эпонимам, образованным от антропонимов (см. [Kucharzyk 2010]). Русский диалектный эпонимический материал разрабатывается диалектологами Уральского федерального университета (см. из последних работ, например, статью Е. П. Лопорт об оттопонимических и отэтнонимических названиях лодок в архангельских говорах [Лопорт 2016]).

Диалектные эпонимы, как и литературные, образуются от основных классов онимов: антропонимов, топонимов, этнонимов и микроэтнонимов (вслед за польскими ономастами относим этнонимы к периферийной области ономастического пространства). В данной статье анализируются польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами, микроэтнонимами и хоронимами. Материал по русским говорам почерпнут из СРНГ, источником польских эпонимов были диалектные словари, список которых приводится в библиографической части статьи. Диалектный материал является далеко не исчерпывающим, но все же позволил выявить определенные лексические группы, представленные деэтнонимами и дехоронимами. Польским диалектизмам в статье уделяется большее внимание по сравнению с русскими. Обширный славянский материал так называемых ксенонимов в сопоставлении с аналогичными явлениями в германских, романских и финно-угорских языках с теоретическим его осмысливанием был представлен Е. Л. Березович в статье 2006 г. [Березович 2006]. Полагаем, однако, что эта тема не закрыта, а та часть нашего польского и русского диалектного материала, которая отсутствует в статье Е. Л. Березович, расширяет языковую базу диалектной эпонимики.

По отношению к базовому ониму среди деэтнонимов и дехоронимов (как и среди эпонимов, образованных от других классов онимов) выделяются:

1) **п е р в и ч н ы е** (возникшие путем апеллятивации онима без добавления словообразовательных средств): *aran* ‘черный овес-самосадок’, *jsicid* ‘воробей’, *ameryka* ‘благосостояние’, *francuz* ‘таракан’;

2) **с е к у н д а р н ы е** (возникшие при добавлении к базе-ониму словообразовательного средства): *cyganicha* ‘гнойная короста’, *cyganić* ‘обманывать’, *cygaństwo* ‘обман’; при этом надо иметь в виду следующие два обстоятельства:

а) эпоним, имеющий в своей структуре аффикс, не всегда получает его в процессе апеллятивации, дериват может возникнуть еще у онима

(ср. возможность такого пути деонимизации: *Żyd* ‘еврей’ — *Żydek* ‘еврейчик’ — *żydek* ‘небольшая лампа’, ‘ножик’, ‘небольшой кусок поля’ и др.);

б) не всегда совпадающий по форме с этнонимом эпоним произведен именно от него: так, возможно возникновение номинации *angielka* ‘печь’ как универба словосочетания *piec angielski* (ср. диалектные *szwedzka piec* ‘кафельная печь для обогрева помещения’ и *ruski piec* ‘хлебная печь’);

3) словосочетания, в состав которых входит, как правило, деоним, представленный адъективным дехоронимом или деэтнонимом: *turecka pišnica* ‘кукуруза’, *kluski cygańskie* ‘цыганские клецки’. В диалектном материале встречаются также псевдоэпонимы: лексемы, совпадающие по виду с онимами, но не имеющие с ними по происхождению ничего общего: например, диалектное название растения *turcja*, образованное путем элиминации начального слога в *naſturcja*.

Диалектные польские и русские эпонимические деэтнонимы и дехоронимы относятся к следующим лексико-семантическим и тематическим группам:

1) Представители животного мира:

а) насекомые: *turki* ‘мелкая бабочка, моль’ [СРНГ 45: 271]; *francuz*, *grek*, *persak*, *rus*, *szwaba* ‘таракан’ (ср. *Mozgele abo rusy to som takowe chroboki* Kozakowice ciesz.; Śl. [MSGP: 245], *Zamkli gospode, to sie iag nieździeli francuz-i* Cicieciorka st.-gdań. Maz., Wp., Pom. pd., Kasz. [MSGP: 68], *Francuz* = owad domowy, zwany ‘persakiem’ [Karłowicz 2: 28], «Przewyważają prusaka “grek”! nogą nogą go potrząсаją» Pozn. [Karłowicz 2: 123], *szwaba* ‘karaluch’ Kasz. [MSGP: 284]); *góral* ‘уховертка’; *żydek* ‘стрекоза’ (варш. [Гура 1997: 524]).

б) птицы: *жид*, *жиденок*, *жиденочек*, *жидик* ‘воробей, воробушек’ (ср. Я *жиденка поймал* Алекс.; Куйбыш. [СРНГ 9: 169]; эта диалектная лексема обыгрывается Александром Городницким в стихотворении «Воробей»: Отлученным капризом природы / От ровесников шумной среды. / Помню, в Омске в военные годы / Воробьев называли «жиды»... / Только он мне единственный дорог, / Представитель пернатых жидов, / Что, чириккая, пляшет «семь сорок» / На асфальте чужих городов»); *afrykanka* // *aprykanka* ‘цесарка’ (ср. *Afrykanki takie siemieniatki, takie corne z biołem* Świątniki sand. Mp. [MSGP: 15]); *kaszubka* ‘порода бесхвостых кур’ [Karłowicz 2: 319];

в) млекопитающие: *тунгуска* ‘порода собак’ [СРНГ 45: 247];

г) рыбы: *англичанин* ‘рыба Zoarces viviparus бельдюга, голыш’ [СРНГ 1: 258].

2) Растения, в том числе возделываемые культуры: *aran* ‘черный овес-самосадок, вырастающий на посевах пшеницы’ [СРНГ 1:268], *aranaka* 1. ‘сорт темной степной пшеницы’, 2. ‘сорт твердых темно-зеленых яблок’, 3. ‘мелкая вишня’ (то же *aranaka*) [СРНГ 1: 268]; *arnaутка* ‘сорт пшеницы, белотурка’ [СРНГ 45: 270]; *турецкая пшеница* ‘кукуруза’ [СРНГ 45: 266]; *góral* ‘вид гриба’ Mp. [MSGP: 77]; *murzunka* // *murzynka* ‘грибок-паразит, вызывающий болезнь зерновых культур’ (ср. *Jak sie murzynka wdo w pszenice, wszystkie ziorka w kłosku som czorne Kramsk. konin. ; Wp. [MSGP: 142]*); *niemka* ‘вид гриба’; *tatarka* ‘гречиха, гречка’ (ср. *Dawno tatarka, teraz recka i najnowsze gryka Ługów lub.*; Mp., Maz. pd. I zach [MSGP : 294]); *żydówka* ‘ядовитое растение’; названия клубней картофеля и картофельной ботвы: *турки* 2. ‘картофель, ботва картофеля’ [СРНГ 45: 271]; *ameryk* // *hameryk* // *amerykan* ‘сорт раннего картофеля’ (ср. *Ameryki to wczesne Radgosz. dąbstar.*; Mp., Maz., *amerikani to so smacne kartofle Kadzidło ostrołek.*; Mp., Maz. pn., *amerykany to były najważniejsze ziemniaki Miłasłowice opocz.* [MSGP:15]); *francuzy* ‘сорт картофеля’ [Karłowicz 2: 28]; *szwabka* ‘картофель’ Mp. pd.-zach. [MSGP: 284].

3) Человек, его характеристика, занятия, действия и другие проявления: *aran* ‘грязный, перепачкавшийся человек; неряха’ [СРНГ 1: 268]; *arnaут, арнаутка* 1. ‘дикообразный, звероподобный человек, очень злой человек’, 2. бранно ‘изверг, басурман, разбойник’ [СРНГ 1: 277]; *тунгус // тунгуска* ‘молчаливый, необщительный человек’ (ср. *Сидит как тунгуска, молчит*) и производное прилагательное *тунгусливый* ‘неразговорчивый, молчаливый’ [СРНГ 45: 24]); *турка* 1. о невысокой полной женщине, 2. о крепком коренастом человеке, 3. о картавом или шепелявом человеке [СРНГ 45: 270]; *cygan* ‘обманщик, лжец’ и *scyganić* ‘обмануть’ (полидиалектные); фразеологизм *narobić Francyi* ‘произвести много шума и крика без результата, много говорить и мало делать’ [Karłowicz 2: 28]; *góral* 1. (в Силезии) ‘неместный, прибывший из другого региона, обычно из Малой Польши’, 2. ‘косарь, нанимавшийся раньше в усадьбы’ Mp. pn., Maz. pd. [MSGP: 77]; *kozak* ‘мальчик’ и *skozaczyć się* (о девушке) ‘ступить на плохую дорожку, вести себя аморально’ (ср. *Skoczaczyła się ta Maryśka ji bedzie mieć bachora Książnice Wielkie piń.*; Wp., Maz. wsch., Wp. pd., Pom. pd. [MSGP: 256]); *szwajcer* ‘работник, занимающийся в фольварке коровами’ (ср. *Szwajcery — w majontku styrech jich było — to uni przy krowach wszystko robili Obra wolsz.*; Wp. pn. i zach., Pom. pd. [MSGP: 285]); *węgier // węgrzyn* ‘коновал’ (ср. *Wpiyrwy po wsi węgier chodził świnie cyścić, dwa syny z sobo prowadzą Huszcza biał.-podl.*; Mp. wsch., Maz.

wsch. [MSGP: 315], *To te kajstrowniki, kiediś węgrzyni, a teraz doktor weterynarz Leszczanka Łuk.*; Mp. pn., Maz. wsch., Kasz. pn. [MSGP: 315]); *żyd* ‘ловкий человек’ [Pelcowa 2007: 183].

4) Предметы домашнего обихода, орудия и приспособления, используемые в повседневной жизни, и их части: *tuńguska* ‘весло с двумя лопастями’ [СРНГ 45: 247]; *turka* ‘ружье’, а также различные типы ружей: ‘широкоствольное ружье’, ‘ружье с коротким стволовом’, ‘шомпольное ружье’, ‘охотничье ружье’ и др. (значения 6–10 в [СРНГ 45: 271]); *angielka* ‘вид кухонной печки’ (ср. *Nastawiła garnków na kominie i podpalila pod angielko Miłkowice-Maćki siem.*; Maz. [MSGP: 16]); *cyganek* 1. ‘складной ножик’ (ср. *Do strugania to cyganek weź Huszcza biały.-podl.*; Mp., Maz. [MSGP: 39]), 2. ‘вид печки’ (ср. *Na te małe piecyki to mówili cyganki Strazowa Wola, oprocz.*), *cyganka* ‘дощечка в прялке, соединяющая педаль с колесом’ (ср. *Na oski zakłada się cygankie... zeb było cym kręcić kółko Huszcza biały.-podl.*; Maz. [MSGP: 39]); *polak* ‘длинный гвоздь’ [Sł. gw. kociew.]; *żydek* 1. ‘примитивная небольшая лампа’, 2. ‘небольшой ножик, перочинный ножик’ [Piotrowicz 2007: 89].

5) Лексика, связанная с сельскохозяйственным трудом: *ameryk* // *amerykan* ‘плуг’ (ср. *Tam tera wołajo ameryki, a kiedi to sochi Uniszki Zawadzkie mław.*; Maz. [MSGP: 15]); *żydek* 1. ‘небольшой кусок поля’, 2. ‘кушка просушиваемого сена’; *żyd* 1. ‘последний покос’, 2. ‘оставленный пахарем по невнимательности кусок поля’, 3. ‘колося, оставленные косцом на поле по невнимательности’ [Pelcowa 2007: 183].

6) Результаты художественной и письменной деятельности человека: *żysi* ‘чернильное пятно, клякса’; *kozak* 1. ‘изображение мужчины с раздвинутыми ногами и расставленными руками, которое делают парни в середине поста мелом, известью, сажей (а раньше делали навозом) на стене, окне или воротах домов, где проживали незамужние девушки, желая им таким действием выйти замуж’, 2. ‘фигура человека из цветной бумаги’ (развешиваются по стенам комнаты).

7) Одежда и ткани: *azjatka* ‘род сарафана, очень широкая юбка, юбка на подтяжках’ [СРНГ 1: 214]; *armянka* ‘широкая ткань для салфеток’ [СРНГ 1: 277]; *turcicki платок* ‘праздничный красный платок с цветами’ [СРНГ 45: 266]; *cygonka* ‘шерстяной платок, скрещенный на груди... или надеваемый на чепчик и завязываемый под подбородком’ [Borejszo 2007: 106].

8) Еда и напитки: *angielka* ‘100 грамм водки’ (ср. *ożenić katolika z angielką* при *katolik* ‘селедка’ означает ‘выпить 100 грамм водки под се-

ледочку') [Gw. warsz.]; *kluski cygańskie* 'цыганские клёцки'; *moskol* (гуральск.) 'овсяная лепешка'; *murzyn* 'пасхальный пирог с запеченными в середине копченостями' (ср. *Na Wielkanoc piyktli zaś te murziny, ciasto na drożdżach, taki bochynek, a do tego sie dowało wyndzónka, szónka, kiełbasa, jako było kogo stać Kozakowice ciesz.*; Śl. pd. [MSGP: 142]).

9) Болезни: *cukanicha* 'гнойная короста'; *frańca* 'венерическое заболевание' (ср. *Zachorowała na frańce... zaraziła się frańcom* Kielec.; *żydówka* 'гнойная короста' (ср. *Żydówka to wrzód, z którego wychodzi rdzeń Lubo-mierz boch.*; Mp. [MSGP: 366]).

10) Постройки: *armянka* 'хата-мазанка' [СРНГ 1: 277].

11) Игры, танцы, песни: *андыльщина* 'песня любовного содержания' Нижнеколым. Якут. (от самоназвания чуванской группы юкагиров) [СРНГ 1: 259]; *жиды* 'карточная игра' (проигравшего называют «жидом») [СРНГ 9: 169], *жид и жидовка* 'название одной из игр в мяч' [СРНГ 9: 168]; *polski* 'полонез'; *żyd // zyd, żydek // zydek* (с *z* < *ż* вследствие мазурения) 'танец' (ср. описание этого танца у шчавницких гуралей в воспоминаниях жителя Шчавницы: «Żydek. Jest to polka. Tempo wolne. Melodia oryginalna (śpiewają tancerze: Sła Zydówka koło kramu...). Przy wierszu “Zyd sie śmioł” tancerz rozłącza się z tancerką [...] i kiwa się na boki całym tułowiem, śmiejąc się. Tancerka [...] wyciera oczy udając płacz, a po chwili, żeby nie być dłużna, śpiewa; idzie woda niesie zyda. [...] Tancerka chwytą partnera za brodę, który kiwa głową. Zydek jest tańcem zbiorowym “wyśmiechliwym”» [Dąbrowska 2005: 184]; этот же танец известен современным пенинским гуралям: «Współcześnie górale pienińscy tańczą Zydą podobnie do podanych opisów. W 1 cz. (8 taktów) zebrani w grupę sami mężczyźni śpiewają 1 zwrotkę; Sła Zydówka koło kramu, sukała se morcyponu, morcyponu nie znalazła, jeno w mlako nogo włazła./ Zyd sie śmioł, jaz sie kwioł, /ze Zydówke, ze Zydówke łosukół, po czym muzyka gra melodię, a oni biorą tancerki do tanecznej zabawy i w. ujęciu “pod rękę” drobnymi krokami w rytmie ósemkowym, biegą para za parą, po obwodzie koła, zatrzymując się na jego linii w pojedynczym ustawnieniu. W 2 cz. (12 taktów) w tempie wolnym robią ukłon w parze z gestem otwartym ręk + Z krokami w tył zwrot + ukłon do sąsiada + powrót do swoich par + 7 kroków w rytmie ćwierćnut + parami i w kierunku. Teraz śpiewają tancerki idzie woda niesie Zydą, ale Zydka z tobom bieda (вероятно, ошибочно вместо *bida*. — H. A.), Zydówka sie przypatruje, co ta bida dokazuje. Aj, waj, waj kimisiaj, Zydka brodę porusaj, i zabawa zaczyna się od początku» [Gór. Pienińs.].

12) Социальные понятия: *ameryka* 'благосостояние, высокий уровень жизни'.

Возникает вопрос, почему тот или иной этноним, а также хороним становятся базой для номинации определенной реалии или понятия. В ряде случаев ответ лежит на поверхности. Так, признак темного цвета, черноты стал мотивирующим для следующих деэтнонимов: *aran* (и в значении 'черный овес-самосадок' ¹⁰, и 'грязный, перепачкавшийся человек'), *arapka / aрабка* (называют темную степную пшеницу и плоды темного цвета), *murzynka* (грибок-паразит в пшенице, от которого, как указывает вышеприведенный контекст, «все зернышки в колоске черные»), *murzynka / murzonka* (возможно, по цвету запеченных в пасхальном пироге копченостей). Названия профессий *szwajcer* (работник в имении, занимавшийся коровами), *węgrzyn / węgier* (коновал) и *góral* (косарь) связаны, по всей видимости, с тем, что первоначально этими видами деятельности занимались представители данных этносов (ср. подобную ситуацию с обозначением привратника у славянских народов). С обычным наделением иного этноса отрицательными свойствами (проявление оппозиции «свой — чужой») связаны многочисленные деэтнонимические номинации таракана, относящегося в народном представлении к нечистым насекомым [Гура 1997] (*francuz, grek, persak, rus, szwaba*, ср. литер. польск. *prusak* и аналогичное русск. *прусак*). Тот же негативный стереотип отражает употребление лексемы «жид» в значении 'воробей'. Народное представление об этой птице негативно: воробей «не пользуется почетом и воспринимается как нечистая птица» [Гура 1997: 586], он призывал своим чириканьем мучить распятого Христа [Гура 1997: 587]. Воробей приносит вред посевам (ср. комментарий в словарной статье *жид* 'воробей' в СРНГ: «Воробьев в здешних местах считают плохой птицей, так как они уничтожают зерновые культуры», ср. контекст, демонстрирующий агрессивное и вредное для полеводства поведение этих птиц: «Жидики вместо скворцов скворешни заняли. На посев целая стая жидиков налетела» Серов Свердл. [СРНГ 9: 169]). «Инаковость» отражена и в обозначении молчаливого человека *тунгусом / тунгуской*, разбойника и негодяя *арнаутом, арнауткой* и картавого / шепелявого *туркой*.

Негативное восприятие представителей еврейского этноса (как и цыган) демонстрируют эпонимы и других лексико-семантических групп: ср. значение 'гнойная короста' в деэтнонимах *żydówka* и *cyganicha*, обозначение ядовитого растения (без указания его конкретного названия) лексемой *żydówka*, значения 'обман', 'обманщик', 'обмануть' в деэтнонимах *cygaństwo, cygan* и *scyganić*. С отрицательной коннотацией этнонаима «жид» связана и номинация им проигравшего в карточной игре, которая

по нему получила название (*жиды*), и название чернильного пятна или кляксы. Повторение слов *Żyd* / *Zyd*, *Żydówka* / *Zydówka* в песне, сопровождающей танец, дало название этому танцу (*żydek* / *zydek*). Возможно, номинация ножа *cyganek* указывает на частое употребление этого режущего предмета представителями данной национальности, а название шерстяного платка *cygonka* связано с ношением подобного платка цыганками. Ср. подобное объяснение для русск. *цыганская игла* и универба *цыганка*, обозначающих иглу с большим ушком, которая используется для шитья грубой ткани и даже ран, а также для гадания на детей (их количество и пол). Но как для *cyganka* объяснить происхождение значения 'дощечка в прялке'? Для *polak* 'длинный гвоздь', для *żydek* 'примитивная небольшая лампа', 'небольшой ножик', 'небольшой кусок поля' и 'кушка просушиваемого сена'? Деминутивность лексемы *żydek* мотивирует определение «небольшой», но остается вопрос о происхождении номинации самих реалий. Во всяком случае в указанных значениях эпоним *żydek* не имеет какой-либо пейоративности. На то, что образ «чужого» не однозначен, а «динамично развивается между двумя полюсами — отторжения и толерантности» и «в этой полярности заключена уникальность всего комплекса представлений о “чужих”», указывает этнолингвист О. В. Белова [Белова 2005: 7].

Объяснимым является употребление дехоронима *francja* в значении 'венерическое заболевание' (представление о Франции как стране, где распространен сифилис, отражает его номинация в русском языке: *французская болезнь*). Возможно, что представление о том, что жители Франции ведут шумную и безалаберную жизнь, легло в основу фразеологизма *narobić Francji*. Подтверждением вышеуказанного замечания О. В. Беловой о полярности представлений о «чужом» является польск. литер. *Francja elegancja*, отражающее позитивную черту французов. Представление об Америке как стране с высоким материальным уровнем жизни отражено в значении 'благосостояние' дехоронима *ameryka*. Вероятно, названия печки *angielka*, плуга *amerykan* / *ameryk*, сортов картофеля (*francuzy*, *ameryki* / *amerykany*) связаны со страной-производителем. Однако точное выявление происхождения каждого конкретного деэтнонима требует дальнейших исследований. Надо сказать, что установление характера мотивированности деэтнонимов и дехоронимов представляется все же менее сложным, чем эпонимов, образованных от антропонимов, составляющих самую значительную часть диалектного эпонимического материала. Если, например, номинация светлячка *janiczek* мотивируется

агионимом Св. Ян, а названия божьей коровки, как показал В. Н. Топоров [Топоров 1981], — именами святых Катерины, Марии, Петра и др. (ср. *katryntka, marianna*), то пока мы не можем сказать, почему, например, польские диалектносители называют аиста *wojtek*, иволгу *zofija*, а лягушку *kasperek*. Здесь также необходимо проведение фундаментальных историко-этимологических и культурологических исследований.

Выводы

1. В польском и русском диалектом языке (далее ДЯ) для деэтнонимов и дехоронимов, как и для других классов эпонимов, представлены сходные лексико-семантические / тематические группы.

2. Кроме различий в формальном виде эпонимов, образованных от различающихся в польском и русском языках этнонимов для номинации одного и того же этноса (ср. *apar / араб* и *Murzyn*), в польском и русском ДЯ представлены разные деэтнонимы, обусловленные спецификой этнического состава Польши и России. (ср. мотивированные этнонимами эпонимы *арнаут*, *арнаутка*, *тунгус*, *тунгуска*, *андалы* в русском ДЯ и субэтноним *góral* в польском ДЯ). В польской диалектной эпонимике представлена и лексема *kozak* (= украинец), употребляемая как эпоним для обозначения различного рода изображений (см. в тексте статьи) и в значении 'мальчик'.

3. Обращает на себя внимание многозначность деэтнонимов, как в разных ареалах, так и в одном регионе. Примеры: *żydek* в польском ДЯ обозначает и определенный вид лампы, и кусок поля, и кусок просушиваемого сена, и танец, и стрекозу, а *жид* в русском ДЯ называет воробья, кляксу и во множ. числе (*жиды*) — карточную игру; *тунгуска* (наряду с *тунгус*) — это и молчаливый человек, и порода собак, и определенный вид весла; *amerykan* / *ameryki* обозначают и сельскохозяйственное орудие (плуг), и сорт картофеля; *francuz* — это и тараканы, и картофель (те же значения представлены в эпониме *szwab(k)a*). При этом в разных своих значениях один и тот же по форме эпоним может относиться к разным лексико-семантическим (тематическим) группам, а может принадлежать к различным составляющим одной и той же лексико-семантической (тематической) группы. Так, деэтноним *apar* входит в лексико-семантические группы «Растения» и «Человек», деэтноним *турка* — в группы «Человек», «Растение», «Предмет», *арнаутка* — в группы «Растение» и «Человек» и т. д. Разные же значения эпонима *апапка* (сорт темной

пшеницы, сорт твердых темно-зеленых яблок и сорт вишни) относятся к одному классу «Растения». Разные значения эпонима, относящиеся к одной и той же лексико-семантической (тематической) группе, могут сопровождаться дифференциацией числовой характеристики: например, в одних ареалах русского *ДЯ* ед. ч. *турка* обозначает одно растение (сортную коноплю), а в других мн. ч. *турки* — иное (картофель и его ботву).

4. Исследование диалектных эпонимов, извлечение их из диалектных лексикографических трудов и монографий, предполагающее последующее составление словарей диалектных эпонимов и создание работ, посвященных описанию эпонимов, образованных от разных классов ономинов, представляется нам перспективным направлением в диалектологии. На польском диалектном материале такое исследование было выполнено для деантропонимических эпонимов [Kucharzyk 2010]. Следующий шаг — это анализ эпонимов, мотивированных топонимами и этнонимами. Анализ диалектных эпонимов должен сопровождаться установлением, насколько это возможно, причин использования эпонима в представленном значении.

Литература и источники

- Белова 2005 — *О. В. Белова*. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Березович 2006 — *Е. Л. Березович*. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкоznания. 2006. № 6. С. 3–20.
- Гура 1997 — *А. В. Гура*. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Лопорт 2016 — *Е. П. Лопорт*. Оттопонимические и отэтнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 178–190.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1965–2021. Вып. 1–52.
- Топоров 1981 — *В. Н. Топоров*. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 274–300.
- Borejszo 2007 — *M. Borejszo*. Leksyka odzieżowa w gwarach wielkopoliskich // Gwary dnia. Poznań, 2007. Т. 4. S. 103–111.
- Dąbrowska 2005 — *G. W. Dąbrowska*. Leksykon: Taniec w polskiej tradycji. Warszawa, 2005.
- Гор. Пиенинс. — Электронный ресурс: [> górale pieninscy](http://www.ethnozagroda.pl) (дата последнего обращения: 05.03.2024).

- Gw. warsz. — Электронный ресурс: <http://gwara.warszawska.waw.pl> (дата последнего обращения: 05.03.2024).
- Karłowicz — *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Kopaliński 1996 — *W. Kopaliński*. Słownik eponimów, czyli wyrazów odmiennych. Warszawa, 1996.
- Kucharzyk 2010 — *R. Kucharzyk*. Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich. Kraków, 2010.
- MSGP — Mały słownik gwar polskich. Kraków, 2010.
- Pelcowa 2007 — *H. Pelcowa*. Nazwy sporadyczne i okazjonalne w opracowaniach gwarowych // Gwary dziś. Poznań, 2007. T. 4. S. 177–185.
- Pietrowicz 2007 — *A. Pietrowicz*. Dialektalne podłożę gwarystyczne Poznania // Gwary dziś. Poznań, 2007. T. 4. S. 85–92.
- Sł. gwar. kociew. — Электронный ресурс: <https://kociewie24.eu> (дата последнего обращения: 05.03.2024).
- Sł. pol.-śląs. — Электронный ресурс: <https://www.slunski-chachor.com> Słownik Polsko-Śląski (дата последнего обращения: 05.03.2024).

Summary

Natalia Ye. Ananyeva

Polish and Russian Dialectal Eponyms Formed from Ethnonyms and Choronyms

The article analyses dialectal Polish and Russian eponyms derived from the names of ethnic groups (ethnonyms) and the names of countries (choronyms). In relation to the basic onym, primary and secondary eponyms are distinguished, as well as phrases with an eponymous component. 12 lexical-semantic groups have been identified to which deethnonyms and dechoronyms belong. The prospects of studying dialectal eponyms are noted and the need for historical and etymological research is emphasized to discover the reasons for the transformation of a particular onym into an eponym, to clarify on the basis of which connotation and association a particular meaning of an eponym is formed.

Keywords: eponym, ethnonym, choronym, Polish dialects, Russian dialects